

А. Н. Метельков

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В ЗАКОННОСТИ

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 20.02.2025 г.

Принята к публикации 14.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3

24

Для цитирования: Метельков А. Н. Соотношение принципов права: целесообразность в законности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 24—33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3.

Рассмотрена актуальная проблема соотношения законности и целесообразности как принципов права. Цель исследования предполагает выяснение корреляции этих принципов в юридической науке. На основе компаративного анализа взглядов ученых на целесообразность и законность как принципы права и метода абдукции автор предпринимает попытку определения места принципа целесообразности в многоуровневой системе принципов права, таких как высшие, общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые. Особое внимание обращено на приобретающие все большее значение идеи И. Канта в отношении принципа целесообразности. В итоге исследования выработано авторское определение принципа целесообразности как содержательного элемента, лежащего в основе сложного системного понятия законности. Вследствие полисемичности понимания законности автор критически относится к идее представления законности в целом как формы целесообразности и разделяет точку зрения, что принцип целесообразности (разумности) представляет собой один из структурных общеправовых принципов законности, будучи ее составной частью. Принцип целесообразности также может выступать в качестве принципа в отдельных отраслях права. Обоснован вывод, что действие принципов законности и целесообразности в теории проявляется специфично на разных уровнях — общеправовом, межотраслевом и отраслевом.

Ключевые слова: законность, целесообразность, принципы, право, взаимосвязь, соотношение, уровень

Введение

В теории права принципы относятся к одной из наиболее дискуссионных и многозначных категорий. В разные эпохи учеными принципы права рассматривались с идеалистических и материалистических точек

зрения. В настоящее время на основании идей Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Э. Гуссерля, современных исследователей Д. Финниса, Л. Фуллера и других А. В. Коноваловым эти принципы «исследуются с позиций объективного идеализма и юстнатурализма» [1, с. 6].

Как средство регулирования общественных отношений принципы права отличаются высоким уровнем «обобщения, фундаментальностью, стабильностью, устойчивостью, максимальным освобождением от конкретики и частных, универсальностью и объективным характером» [2, с. 21]. В условиях ускорения общественных процессов во времени и объективного отставания от них процессов правового регулирования особую актуальность приобретает исследование проблемы соотношения принципов права — в частности, таких, как законность и целесообразность. Нередко «политическая, экономическая и иные целесообразности составляют основу государственных решений отнюдь не в рамках действующих законов, а и вопреки им» [3, с. 83].

Материалы и методы

В основу исследования рассматриваемой проблемы автором положены методы сравнительного анализа. С использованием междисциплинарного подхода сделана попытка сформировать более глубокое представление о корреляции принципов законности и целесообразности, исходя из доминирующих представлений о понимании законности. Теоретические аспекты законности раскрываются с применением комплексного подхода к решению исследовательских задач с использованием знаний, накопленных прежде всего юридической и философской науками. При написании работы использовались общий диалектический метод исследования и специальные — исторический, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой — методы познания, функциональный и нормативно-ценностный подходы. Сочетание методов способствовало выявлению взаимосвязи законности и целесообразности в различных проявлениях, что в результате позволило решить поставленную исследовательскую задачу.

Результаты исследования

В теории права вопрос о соотношении принципов законности и целесообразности остается дискуссионным. Рассматривая соотношение принципов с позиций категорий диалектики, М. В. Бавсун понимает «законность в виде формы, а целесообразность — в виде содержания», и в этой модели форма отождествляется с установленными законодателем границами, «за которые не может выйти... правоприменитель» [4, с. 43]. Эту мысль разделяет и Е. В. Кузнецов, считающий, что «целесообразность, как принцип права необходимо рассматривать... наравне с другими общеправовыми принципами» [5, с. 248]. При этом Е. В. Кузнецов делает недостаточно обоснованный логический вывод из утверждения об отнесении к общеправовым (общим или основным) принципов

законности и справедливости, неразрывно связанных с принципом целесообразности, о необходимости отнесения целесообразности к «общеправовым принципам» [Там же, с. 249].

Целесообразность действий определяется актуальностью, значимостью и достижимостью цели, ее сопоставимостью с жизненной стратегией, наличием возможности развиваться, оправданностью прикладываемых усилий достижением цели и мотивацией действий. Целесообразность как научная категория получила развитие в философии, социологии и кибернетике, достижения в которых позволяют рассматривать ее «в качестве особой правовой категории — системного принципа права» [6, с. 5]. От целей, а также функций правовых норм и формулировок текста зависит «ясность правовых норм» [7, с. 36]. Например, в отраслевых правовых концепциях используется идея противодействия, которая, на наш взгляд, не содержит конкретной цели, в отличие, например, от идеи борьбы, в которой цель ассоциируется с вполне конкретным результатом, оказывающим мобилизующее влияние на субъекта в процессе ее достижения.

Содержание принципа целесообразности исследуем в сравнении с содержанием принципа законности. Соотношение этих принципов неустойчиво, в различные периоды один принцип доминировал над другим. Для углубленного понимания диалектики соотношения целесообразности и законности обратимся к взглядам И. Канта и Р. Иеринга на целесообразность. В кантовском обосновании механистического естествознания понятие целесообразности является результирующим. Разработанный Кантом трансцендентальный подход к телеологии «содержит философско-методологические предпосылки, необходимые для развития концептуального аппарата современной теории цели и целеполагания в науке» [8, с. 22]. В философском обосновании системности научного знания цель стала рассматриваться как имманентный принцип его организации. В «Критике способности суждения» Кант видит разрешение проблемы организации знания в установлении эпистемологического статуса принципа субъективной целесообразности как закона рефлектирующей способности суждения, с помощью которой цель представляется в способности субъекта рефлектировать. Принцип целесообразности обоснован Кантом с использованием рефлектирующей способности суждения. Философ пришел к выводу о недостаточности законов природы для гарантированности ее познания. В противном случае саму природу следовало бы представить в целостной системе знаний, в которой даже кажущиеся на первый взгляд случайными элементы подчинялись бы некоей закономерности, а закономерность случайного, по Канту, «называется целесообразностью» [9, с. 324]. Понятие целесообразности, по его мнению, представляет «способ приведения многообразия явлений к мыслимому единству там, где механическое (естественно-научное) объяснение и систематизация явлений оказываются бессильными» [см. об этом: 10, с. 148 — 149].

Субъективное правило о закономерности случайного как предположение о системе эмпирических законов Кант рассматривает как необходимое основание познания. Способность суждения предлагает себе общий принцип целесообразности в исследовании природы и заклю-

чается в подведении частных случаев и конкретных эмпирических законов «под всеобщее правило на трансцендентном уровне» [11, с. 32]. Принцип субъективной целесообразности, в котором отсутствует что-либо эмпирическое, представляет собой априорное условие осуществления познания и трансцендентальный принцип способности суждения. При таком подходе формы природы целесообразно соотносятся в логической целостной системе знания, в которой определяющая форму знания логическая целесообразность затрагивает отношения между понятиями, а не материальными объектами. Принцип субъективной целесообразности невозможно доказать изолированно от научного исследования.

Во второй редакции Введения в «Критику способности суждения» Кант признает у телеологической способности суждения «наличие собственного трансцендентального априорного принципа» (см.: [11, с. 29]). Кант объясняет неконституционность телеологической способности суждения, поскольку объективные цели самой природы, на знании которых мы могли бы основывать телеологические суждения, в опыте нам не даны и могут строиться только по рефлексивному принципу. Эти способности суждения могут носить значимый для рассуждающего о них субъекта только регулятивный характер, но также содержать и «признаки проявления всеобщности в всеобще-субъективном смысле» [11, с. 29].

В научной литературе М. А. Булатов и Дж. Тонелли попытались установить соотношение основных категорий в теории целесообразности Канта. Родовое понятие целесообразности у Канта исследователи представили как многослойное, с неоднозначными отношениями между ее различными видами. В результате исследования эволюции терминологии в различных сочинениях Канта Тонелли продемонстрировал наличие оснований для несовпадающих классификаций видов целесообразности. В «Критике способности суждения» Кант выводит особенности суждений о целесообразности, включая предположение о возможном существовании только формальной объективной целесообразности природы, а «суждения о целесообразности всегда носят относительный характер и никогда не могут претендовать на абсолютность» (цит. по: [12]).

В противоположность другим задачам и целям государственной деятельности Р. Иеринг выделяет особенный характер юстиции, обусловленный внутренней своеобразием цели и внешней особенностью средств и форм, которыми и в которых эта цель достигается. В отличие от юстиции, другие отрасли государственной деятельности обязаны «применять право, но в них к праву присоединяется в виде второго фактора — целесообразность» [13, с. 282]. Следует акцентировать внимание на понимание Иерингом характерной особенности целесообразности, заключающейся в том, что целесообразность только присоединится к праву, но не включается в него. Отличительной чертой юстиции он называет право. Распространение идеи юстиции на все сферы деятельности государства, по мнению Иеринга, повергло бы государство в состояние оцепенения. Содержательное отличие юстиции и управления основано на антитезе идеи о связанной правовой нормой справедливости и идеи «о свободной по своей природе целесообразности» [Там же, с. 283]. Та-

кому внутреннему, по цели, различию между юстицией и администрацией соответствует и различие в их внешней организации [Там же]. Рассуждения приводят Иеринга к выводу, что принцип целесообразности лежит в основе преимущественно правоприменительной деятельности государственных органов и скорее может быть отнесен не к общим, а к общеправовым или отраслевым принципам публичного права. Межотраслевые принципы представляют собой руководящие начала, которые выражают особенности нескольких родственных отраслей права [Там же, с. 57]. Именно к общеправовым принципам А.В. Коновалов относит «целесообразность (оправданность и разумность) публичного регулирования» [1, с. 500]. При этом «разумность» ученый включает в перечень высших принципов правовой организации общества наряду с добросовестностью и «справедливостью правового регулирования и поведения в правопорядке» [1, с. 201]. Кроме того, к десяти общеправовым методологическим принципам исследователь причисляет «целесообразность (экономичность) правоприменения» и «авторитет закона или... судебного решения (законность)» [Там же].

Законность как принцип выделена в работах правоведов (В.К. Бабаева, С.В. Бошно, В.Д. Перевалова, В.И. Леушина, А.С. Пиголкина, В.Н. Хропанюка и др.), но некоторые ученые (например, О.И. Цибулевская) этого не делают.

Правоведы сходятся в представлениях о существовании многоуровневой системы принципов права. Рассматривая структуру современных принципов права, можно, согласно общепринятому подходу, разделить их на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Общеправовые принципы относятся «к фундаментальным основаниям любого права» [15, с. 37].

Однако во взглядах ученых нет единства по отнесению принципа законности к конкретным видам принципов права. Авторы юридического словаря [16, с. 124] принцип законности относят к общим принципам права, С.В. Бошно — к «специально-юридическим» [14, с. 55]. Однако большинство правоведов считает этот принцип общеправовым (общим). Мы разделяем мнение А.И. Клименко, что принцип законности может выступать и как общеправовой, и как межотраслевой, и как отраслевой. Принцип целесообразности весьма редко выделяется учеными в числе общеправовых принципов. Его место исследователями обычно определяется среди межотраслевых и отраслевых принципов, а также в структуре принципов законности. Поэтому соотношение многоуровневого и многослойного принципа законности с принципом целесообразности, по нашему мнению, более корректно проводить не на разноразрядных, а на сопоставимых уровнях.

Отсюда возникает проблема корректности диалектического соотношения общеправового принципа законности и общеправового (или отраслевого) принципа целесообразности как формы и содержания. Внешне привлекательная модель по сути является существенным упрощением реальности; такая точка зрения может иметь место, на наш взгляд, если рассматривать только один из многочисленных аспектов в законности как многоплановом и многоаспектном правовом явлении. Доминирующие среди правоведов взгляды на принцип целесообразности

ность как компонента законности способствуют представлению целесообразности в качестве только как одного из возможных элементов содержания законности.

Обсуждение

Юридическая наука традиционно рассматривает «законность», выполняющую оценочную, регулятивную и мотивационную функции, как полисемичную категорию в трех взаимосвязанных аспектах: принцип (идея, требование), метод и режим. Законность правоведами рассматривается разнопланово — как аспект права, выражающий его общеобязательность; как идея, формирующая правосознание общества и его членов; как состояние (режим) общественной и государственной жизни [17, с. 515]; как «состояние общественно-политической жизни общества» [18, с. 316]; как признак права [19, с. 106]; как принцип построения и деятельности демократического государства, из которого вытекает «требование и режим строгого и неукоснительного выполнения законов (правовых предписаний) всеми субъектами права» [20, с. 143]; как метод (средство) осуществления государственной (политической) власти.

Тезис о принципах права как идеях и принципах права и как разновидности правовых норм [14, с. 58] остается дискуссионным. М. Ю. Семенова [21] считает, что идея законности формируется как итог опирающегося на аксиомы и универсальные принципы правопонимания целенаправленного интерпретационного анализа правовой действительности, а не только как результат ценностного восприятия права обыденным сознанием. Рефлексивная обработка отражающих правовую реальность представлений участвует в формировании доктринального правосознания.

При этом идея законности как результат доктринального осмысления не существует независимо от обыденного понимания законности. Они взаимосвязаны и определяют «специфику принципов и требований законности, а также формы реализации этой идеи в юридическую практику» [Там же, с. 49]. Законность в форме доктринальных взглядов содержательно и функционально связана с обыденным пониманием правового явления. Законность как идея обыденного правосознания и законность как элемент доктринального правового сознания определяют специфику принципов законности, формально закрепляемых нормативными правовыми актами, а также ее реализацию в юридической практике. Понимание законности как идеи, состояния или метода вряд ли способствует абстрактному отнесению законности к категории «форма», и с точки зрения диалектики такое отнесение представляется нам весьма затруднительным.

С. С. Алексеев полагает, что принцип законности представляет собой «идею о целесообразности и необходимости реально правомерного поведения всех участников общественных отношений» [22, с. 217].

Идеи не только интегрируют весь предшествующий опыт развития знания в юридической науке, но и являются базисом, синтезирующим «знание в некую целостную систему, выполняют роль активных эвристических принципов объяснения явлений, поисков новых путей решения проблемы» [23].

В научной литературе законность исследуется как принцип и как совокупность связанных между собой отдельных принципов, функционирование одного из которых обеспечивает эффективность действия других. Следует подчеркнуть, что ряд известных правоведов (Н. И. Матузов, А. В. Малько, Н. Н. Вопленко, Т. Н. Радько и др.) не считают принцип целесообразности противоречащим принципу законности, а рассматривают его как составной элемент в структуре законности или принципов законности, так как «целесообразность издания закона определяется его социальной полезностью» [24, с. 68]. В частности, Н. И. Матузов и А. В. Малько в числе семи основных принципов законности называют недопустимость «противопоставления законности и целесообразности» [25, с. 416–420]. Н. Н. Вопленко среди структурных принципов законности также выделяет семь принципов — правомерности, государственной обязательности, всеобщности, целесообразности, единства, верховенства закона, неотвратимости ответственности [26, с. 674–675]. А. В. Поляков вычленяет только четыре основных принципа законности — верховенства права, равенства перед законом, ненарушимости закона, единства законности. Смысл принципа ненарушимости закона он усматривает в недопущении «уклонения от исполнения закона ни по каким основаниям, в том числе и по основаниям целесообразности» [27, с. 850]. Т. Н. Радько в числе пяти принципов в структуре законности указывает и на «принцип целесообразности» [28, с. 658]. К общим принципам относят принцип законности в процессе создания и «реализации норм права» [29, с. 298], а к основным принципам законности — «недопустимость противопоставления законности и целесообразности» [24, с. 38]. Как известно, в философии под содержанием системы понимают «элементы, отношения, связи, процессы, тенденции развития, все части системы» [30, с. 394].

Если исходить из предположения, что целесообразность является структурным элементом принципа законности, и рассматривать его с точки зрения общеправового уровня, то можно сделать вывод о том, что принцип целесообразности как элемент общеправового принципа законности следует отнести к его содержанию. Следовательно, если рассматривать принципы законности и целесообразности как самостоятельные принципы на общеправовом уровне, то невозможно соотношение этих принципов как категорий «форма» и «содержание»: принцип законности не является формой, а принцип целесообразности нельзя отнести к исчерпывающему содержанию принципа законности.

Выводы

1. Принцип целесообразности в праве можно представить в виде лежащей в основе законности сущности, ориентирующей в конкретной исторической обстановке направленность правотворческой и правоприменительной деятельности на достижение цели законодателя.

2. Под принципом целесообразности в праве будем понимать подчинение процесса правового регулирования его целевой, конечной стадии — определенному устойчивому состоянию общественных отношений.

3. Принцип целесообразности и законности взаимосвязаны, проявляются на разных уровнях принципов права, и поэтому сравнение этих принципов по критериям «формы» и «содержания» как равноправных недопустимо, а возможно рассматривать их диалектическое взаимодействие с использованием фасетного метода классификации на межотраслевом и отраслевом уровнях.

В выявлении соотношения принципов законности и целесообразности следует учитывать их сложное структурное строение, поскольку необходимо уяснить, на каких уровнях (общеправовом, межотраслевом или отраслевом) проводится компаративный анализ.

Список литературы

31

1. Коновалов А. В. Принципы права. М., 2024.
2. Ершов В. В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 5–36.
3. Нагорная М. А. Роль права в осуществлении властных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2003. Вып. 2. С. 80–87.
4. Бавсуи М. В. Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004.
5. Кузнецов Е. В. Содержание принципа целесообразности, его соотношение с законностью и справедливостью // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. № 4 (28). С. 246–250.
6. Кузнецов Е. В., Шиханов В. Н. Принцип целесообразности как основа совершенствования оперативно-розыскного законодательства. Иркутск, 2012.
7. Хабриева Т. Я. Избр. труды : в 10 т. М., 2018. Т. 1.
8. Разеев Д. Н. Телеологический принцип в науке: (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.
9. Кант И. Критика способности суждения / пер. М. И. Левиной. М., 2020.
10. Ойзерман Т. И. Кант и телеология // Историко-философский ежегодник. 2003–2004. М., 2004. Вып. 1. С. 146–157.
11. Разеев Д. Н. Телеология Иммануила Канта. СПб., 2010.
12. Крыштон Л. Э. «Критика способности суждения». URL: <https://bigenc.ru/c/kritika-sposobnosti-suzhdeniia-c9183d> (дата обращения: 13.01.2025).
13. Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Лицкого. СПб., 1881.
14. Бошно С. В. Принципы права: понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53–59.
15. Ахвердян А. Г. Общеправовые принципы в современном российском праве: понятие и особенности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 34–44.
16. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М., 2023.
17. Витрук Н. В. Общая теория права : курс лекций. Законность: понятие, защита и обеспечение / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
18. Теория государства и права : учебник / под ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2016.
19. Концепция современного правопонимания : материалы «круглого стола», Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 г. / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2005.

20. Дерябина Е. С., Третьякова Е. С. Теория государства и права : учеб. пособие. Пермь, 2017.
21. Семенова М. Ю. Идея законности как результат доктринального осмысления правовой действительности // Общество и право. 2011. №1. С. 46—49.
22. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981.
23. Копнин П. В. Идея // Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1972. Т. 10. С. 41.
24. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник, М. В. Бавсун, П. А. Астафичев [и др.]. СПб., 2021.
25. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М., 2021.
26. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.
27. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004.
28. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М., 2010.
29. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.
30. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

Об авторе

Александр Николаевич Метельков — канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6113-8981

E-mail: metelkov5178@mail.ru

A. N. Metelkov

CORRELATION OF THE PRINCIPLES OF LAW: EXPEDIENCY IN LEGALITY

Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia,

Saint Petersburg, Russia

Received 20 February 2025

Accepted 14 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3

To cite this article: Metelkov A. N., 2025, Correlation of the principles of law: expediency in legality, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 24—33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3.

The article addresses the pressing issue of the relationship between legality and expediency as principles of law. The objective of the study is to determine the correlation between these principles within legal science. Based on a comparative analysis of scholarly perspectives on expediency and legality as principles of law, and employing the method of abduction, the author attempts to define the place of the principle of expediency within the multi-level system of

legal principles, including supreme, general legal, inter-branch, and sectoral principles. Special attention is given to the increasingly significant ideas of I. Kant concerning the principle of expediency. As a result of the study, the author proposes a definition of the principle of expediency as a substantive element underlying the complex systemic concept of legality. Given the polysemous nature of legality, the author critically evaluates the notion that legality can be viewed in its entirety as a form of expediency and supports the view that the principle of expediency (or reasonableness) constitutes one of the structural general legal principles of legality, forming an integral part thereof. The principle of expediency may also function as a principle within individual branches of law. The study substantiates the conclusion that the operation of the principles of legality and expediency manifests distinctively at various levels of legal theory – general legal, inter-branch, and branch-specific.

Keywords: legality, expediency, principles, law, relationship, correlation, level

The author

Dr Alexander N. Metelkov, Saint Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-6113-8981

E-mail: metelkov5178@mail.ru